

Отзыв

о докторской диссертации Р.Н. Кривко

«Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв.».

Среди всех форм словесности богослужебные сборники не имеют себе конкурентов в средневековой Европе ни по распространению, ни по интенсивности использования. Естественно поэтому, что подобного рода литературу необходимо изучать с самых разных точек зрения, от палеографии до поиска исторических реалий. Исключительно важны богослужебные сборники и для исследования языкового развития. Однако в тех условиях, когда возраст рукописи ничего еще не говорит о древности сохранившихся в ней текстов (а только определяет *terminum ante quem*), от ученого требуется не только лингвистическая квалификация, но и глубокие познания в исторической литургике. Мне представляется, что диссертационное сочинение Р.Н. Кривко в полной мере отражает такое не столь уж часто встречающееся сочетание.

В первой части своей работы автор предпринимает попытку типологической классификации славянских богослужебных сборников и сведения их к некоторым легко обозримым группам согласно сменявшимся друг друга или существовавшим параллельно уставам богослуже-

ния. На мой взгляд, Р.Н. Кривко удается, избегая излишних упрощений, убедительно выделить несколько критериев, по которым можно относить каждый конкретный сборник к той или иной ветви традиции (новосавваитской, алексиевской, региональным византийским и т.п.). Прежде всего, это наличие или отсутствие второй песни и богородичных в канонах, а также расположение канонов и остальных песнопений в последовании. Такой подход сильно облегчает ориентирование в огромном количестве сохранившихся славянских богослужебных сборников и позволяет построить некоторую диахроническую канву, основанную на текстуальном содержании, а не на датировке конкретных рукописей.

Важно заметить, что методологически автор исходит не просто из идеи об *Orbis Slavicus Orthodoxus*, но из понимания того, что греко-византийская и славянская литургическая традиция представляют собой единое целое, где одну часть невозможно изучать без другой, даже если в данном случае в центре внимания остается именно славянский язык. На практике это, в частности, означает необходимость полного и всестороннего учета греческих источников. Здесь Р.Н. Кривко не только опирается на самые последние достижения византиноведения, но и самостоятельно обращается к еще недостаточно исследованному греческому рукописному преданию.

Вторая часть работы представляет собой весьма интересный комментированный глоссарий, большим достоинством которого следует считать постоянное сопоставление разных переводов и их греческого оригинала. Большой удачей автора считаю выделение различных слоев, например, раннедревнеболгарского, позднедревнеболгарского и древнерусского, при анализе отдельных текстов.

В целом мне представляется, что привлечение множества источников, как изданных, так и рукописных, а также прекрасное знание новейшей научной литературы позволяют автору диссертации делать до-

статочны убедительные выводы, которые, несомненно, означают существенный прогресс в изучаемой им области.

Работа Р.Н. Кривко, будучи чрезвычайно объемной (674 с. без библиографии) и основанной на огромном количестве разнородного материала, естественно, не могла остаться свободной от недочетов. Мною, в соответствии с моей специальностью, были замечены в основном те из них, которые касаются греческого языка и соотношения греческого оригинала со славянским переводом.

Различные огрехи в воспроизведении греческих текстов (напр., с. 51, 58, 68) включают и ошибки в ударениях, которые особенно досадны в изданиях греческих песнопений, так как они искажают стихотворный размер.

С. 475: есть проблемы с формами ἀνακράζατε, ἀνακράζαστε (sic!). Возможно, «зита» перепутана с «кси».

Иногда от описок или недосмотров страдает смысл. С. 47: вм. εὐκτικός «молебный» εὐεκτικός «связанный с телесным здоровьем (εὐεξία)». С. 82: зачало стихиры Τρόποις ἐγκοσμίων (мирских) ἀληθῶς вместо ἐγκωμίων (хвалений). С. 143: три раза εἶ (еси) вместо εἰ (аще). С. 144: ἐδωμένων (имущих ясти, с ошибкой, ἔδομαι Fut. от ἐσθίω) вместо ἐσομένων (грядущих). С. 287: ἀκανθόδης (м/ж р. ед. ч. с ошибкой) вместо ἀκανθώδεις (мн. ч.).

С. 83: зачало стихиры Οὐρανὸς καὶ γῆ προσεχέτωσαν (Небо и земля да внемлют) почему-то передано по-славянски как «Небо и земля возрадовашася». Еще одна ошибка в церковнославянском переводе на с. 89–90: πρόξενον означает «подает» (букв. «подательно»), а не «предстательство». С. 296–297: ἀτάκτους κινήσεις (написано κινέσεις) по-славянски передано как «неказанѣихъ». Автор восстанавливает оригинал как *ἀλήκτους, что, вопреки его мнению, означает не «невыразимые», а

«нескончаемые». На самом деле в слав., вероятно, было «не(на)казанных», обычно = ἀπαιδεύτους, а в данном случае = ἀτάκτους.

С. 342: греч. εὐθηνούμενον передано слав. бл(а)гоправяся. Переводчик явно соотнес это слово с εὐθυνόμενον, звучащим почти идентично с учетом итацизма, поэтому вряд ли можно говорить о «немотивированном оригиналом выборе».

С. 353: непонятно, почему Р.Н. Кривко полагает, что ἀντιλαμβάνομαι означает «покорять, очаровывать». В приведенном тексте говорится о том, что львы своим рыком (ζώση φωνῆ) заступались за Даниила. Σου здесь не притяжательное, а обычное управление при глаголе.

С. 355: μέλλοντα προθύμως... ἀνεκκύσειν означает «которому предстояло усердно вытягивать», а не «ревностно готовящегося... вытягивать».

С. 378: λύχνοι... τῆ τοῦ νόμου λυχνία... ἐπετέθησαν означает «свечи... были поставлены на подсвечник закона». Перевод автора неточен.

С. 381: не отмечено расхождение в греч. не «скорозаступника», как в слав., а «тепла (θερμὸν) заступника»

С. 303: автор принял форму μεθίστασαι за аористный инфинитив, тогда как это 2 лицо ед. ч. настоящего времени среднего залога (преставляеши).

С. 503: не отмечено несоответствие слав. «елицы» (=ѡсои) и греч. ὄσοι (преподобнии).

Раздел IV, 3 (с. 468–470), начинающийся с ошибки в заголовке (verso вместо versus) исходит из неправильной трактовки формы διακόνων как непременно genetivus partitivus «первый из диаконов». Переводчик же верно понял ее значение как «первый над диаконами», т. е. «архидиакон». В таком значении даже в русском языке «умывальников начальник»

и мочалок командир» можно заменить на «умывальникам начальник и мочалкам командир».

С. 100: неудачная и ненужная конъектура из-за неправильного словоразделения: в ркп. δαίμονας τρέποντας (бѣсы побѣждающихъ), Кривко δαίμονα στρέφοντας.

На с. 60 находим такой текст:

Ἵρος Σινᾶ ἴωμεν ποτὲ πυρὶ καὶ γνῶφω (вм. γνώφω) ἑκαπνήσθη (вм. ἑκαπνίσθη) ἐπὶ Μωϋσέως,

νῦν δὲ Θαβωρίον (вм. Θαβωρίου) φωτὸς ἐνεπλισθήσαν (вм. ἐνεπλήσθησαν) ἐξάστραπας (вм. ἐξ ἀστραπῆς) μαθηταῖς (скорее всего, нужно μαθηταί, тогда будет понятно мн. ч. глагола) Σου. Μαθηταίσσου и μαθηταίσσου произносились одинаково [maθi'tesu].

В первой строке явно было Ἵρος Σιναιῖον μὲν ποτε. Хотя до таких чрезвычайных случаев, к счастью, больше нигде не доходит, уже этот заставляет рекомендовать автору тщательнейшим образом пересмотреть все тексты, которые он воспроизводит по греческим рукописям.

К сожалению, некоторые языковые ошибки распространяются на весь текст диссертации, например θεοτοκία вместо θεοτόκια (богородичные тропари). Источник такого неправильного ударения, по-видимому, следует искать в цитате из *Analecta Hymnica Graeca* на с. 638, где содержится это слово именно в парокситонной форме. Καταβάσια вместо катаβασία (но на с. 170 правильно), вероятно, под влиянием рус. «катавасия». «Эксапостилларий» почему-то пишется с двумя «л». Р.Н. Кривко постоянно пишет *sub diem* вместо *sub die*, хотя кое-где встречается *sub verbo* с правильным аблативом.

Иногда автора подводит чрезмерное доверие к словарям. На с. 327 сказано: «Древняя традиция терминологического употребления слова *трьба* для описания нехристианских священнодействий проявляется в многочисленных производных слова *трьба* (*трьбище... трьбникъ...*),

значения которых, имеющие отношение к священнодействию и ритуалам, все без исключения связаны с языческими или ветхозаветными ритуалами». Между тем, в Житии Феодора Сикеота, входившем в состав четий миней, переведенных специально для Новгорода в Константинополе в XII в., словом *требникъ* 4 раза передано греч. θυσιαστήριον в значении «алтарь христианского храма»¹.

Справедливо упрекая каталог Николопулоса в неточности литургической терминологии (с. 22), автор сам говорит, что рукопись Sn4 содержит «службы» (с. 23), не уточняя, что под этим словом имеется в виду (полные последования, утрени с канонами, просто каноны и т.п.).

В порядке общих замечаний можно сказать, что вставляемые в текст издания отдельных памятников, весьма ценные сами по себе, несколько нарушают композиционную структуру и затрудняют чтение. Автор не считает нужным переводить иногда весьма пространные цитаты из иноязычной научной литературы, что, на мой взгляд, не совсем согласуется с принятыми в нашей стране правилами написания научных работ.

Перечисленные недостатки и упущения не умаляют научной ценности рецензируемого диссертационного сочинения, являющегося, несомненно, масштабным и новаторским междисциплинарным исследованием, открывающим новые перспективы не только в области славянской филологии, но также и в изучении византийской культуры и истории Православной Церкви.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации. Таким образом, диссертация Р.Н. Кривко является научно-квалификационной работой, вполне соответствующей критериям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года

¹ См. Афиногенов Д.Е. Наименования культовых сооружений и их частей в церковнославянском переводе Жития св. Феодора Сикеота // Культовые памятники в мировой культуре (археологи-

№ 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени», а ее автор заслуживает присуждения степени доктора филологических наук по специальности 10.02.03 – «Славянские языки».

Официальный оппонент,

ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,

д. филол. н., профессор Кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Д.Е.Афиногенов

